

УДК 32.001(5-15)  
Бирюков С. В.

## БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ПОЛОСЕ ИЗМЕНЕНИЙ: ЧТО ОСТАЛОСЬ ЗА РАМКАМИ 12-ДНЕВНОЙ ВОЙНЫ

Большие игроки – великие мировые державы – на сегодняшний день не способны предложить полноценной формулы стабилизации и комплексной стратегии развития для региона. Поэтому дальнейшая фрагментация и рост неуправляемости – долговременный тренд для стран Ближнего Востока...

Недавний и сравнительно скоротечный военный конфликт между Ираном и Израилем оставил больше вопросов, нежели принес искомым ответов. Вопрос о том, кто является относительным победителем в этом противостоянии, как и вопрос о последствиях войны для обеих

значимых в ближневосточном контексте государств и для всего этого региона в целом, пока не получили исчерпывающего ответа. Вполне естественно, что каждая из участвовавших в конфликте сторон, а равно и их зарубежные сторонники, на эти вопросы отвечают по-разному, исходя из собственных интересов и идеологических приоритетов. Данный материал – попытка уточнить и прояснить лишь некоторые аспекты тех процессов, которые протекают сегодня на Ближнем Востоке и по отношению к которым ирано-израильский конфликт выступил в качестве катализатора.

**Для цитирования:** Бирюков С. В. Ближний Восток в полосе изменений: что осталось за рамками 12-дневной войны // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2025. 6. № 3. С. 78–83.

### Иран: война и попытка политического и цивилизационного ответа

Иран – страна альтернативного (по отношению к Западу) Модерна, наряду с опорой на традиции древней цивилизации и государственности, которые соединяются в сложный комплекс и регулярно актуализируются в политике.

Его принципиальный оппонент и теперь уже военный противник Израиль, в свою очередь, вплоть до последнего времени претендовал на роль «лидера техномодерна» в Ближневосточном регионе, поддерживая передовые научно-технические разработки и привлекая «интеллектуальный ресурс» из разных стран мира.

В то же время недавняя 12-дневная война с Ираном – практически первая война Израиля, где последний не имел очевидного технологического преимущества над противником. Преимущества, которое бы гарантировало ему победу при всех возникающих в ходе боевых действий потерях и трудностях. Территория Израиля, включая не только гражданские, но и стратегические объекты, оказалась принципиально уязвимой для иранских гиперзвуковых ракет, что стало шоком и вызовом для израильского истеблишмента и общественного мнения.

Вопрос о том, какой ущерб был нанесен военной инфраструктуре и кадрам Ирана, а равно и о том, сколь масштабный ущерб был нанесен иранской ядерной программе, остаётся не до конца проясненным. При этом заслуживает быть отмеченным твердое стремление Ирана не отказываться от своего права и дальше развивать «мирный атом», отвергая достаточно твердо одностороннее давление и ультиматумы, но не отказываясь при этом

от переговоров по указанному вопросу. Последнее – неслучайно: иранская ядерная программа – своего рода фундамент модернизационной перспективы Ирана, основание его права на собственный модернизационный проект, на историческую перспективу в качестве страны, цивилизации и народа.

Иран, понесший в недавней войне ощутимый ущерб, но не поражение, столкнулся с негативным и дискриминационным отношением к себе со стороны стран Запада, которое восходит к эпохе правления Резы Пехлеви, особо ценившего там за попытку проведения вестернизированных реформ (приведшую, однако, к весьма неоднозначным и драматическим по итогу последствиям). В то же время стремление послереволюционного Ирана развиваться исходя из своей собственной цивилизационной специфики, не отказываясь при этом от глубоких трансформаций, вызвало неприятие и непонимание Запада. Подобные установки западного общественного мнения не сводятся к исламофобии, хотя именно ее в современном Тегеране считают «стержнем» западной позиции в отношении их страны.

Особое значение для Ирана имеет вопрос об отношениях с его арабскими соседями по региону, которые являются далеко не безоблачными в контексте сложных отношений персидской и арабской культур, а также суннитской и шиитской ветвей ислама. Арабские монархии стран Залива, пережив вместе со своими обществами в предшествующие десятилетия достаточно сложную внутреннюю эволюцию, сегодня скорее склонны к примирению с Израилем и стремятся сделать ставку на него как на источник инноваций для своего дальнейшего развития.

Современный Иран с его идеологией революции и внешнеполитической экспансии (в ее шиитском варианте), с апелляцией к широким массам и опыту собственной революции 1978–1979 гг. не устраивает сегодня как консервативные суннитские режимы, так и условные реформистские правительства стран Ближневосточного региона (реформы сверху без фундаментальных политических изменений как разновидность «усеченной» модернизации не всегда совпадают с внутренней динамикой и запросами противоречиво развивающихся обществ указанных стран).

В то же время произошедший на наших глазах демонтаж режимов Муаммара Каддафи и Башара Асада фактически свел к минимуму возможную альтернативу развития для стран региона, связанную с «левой» модернизацией светского типа, осуществляемой сверху в рамках сравнительно умеренного авторитарного режима. Фактически был ограничен спектр возможных путей модернизации в Ближневосточном регионе и в арабском мире в целом, что на фоне бурной динамики ближневосточных обществ может рассматриваться как угроза будущих потрясений.

Так или иначе, сегодняшний Иран представляет собой соединение консервативной по форме теократии и революционного начала (принципа); таким образом, он является уникальным для мусульманского мира случай синтеза «левой» и «правой» политических традиций, чем, в частности, объясняется устойчивость иранского политического режима и его относительно высокая адаптивность на фоне бурной динамики иранского же общества [1].

С учетом подобной сложности иранского политического устройства сведение иранской революции 1978–1979 гг. к становлению «террористического режима Хомейни» также является необоснованным упрощением. В действительности, сама эта революция одновременно несла в себе национальное, социальное и религиозное содержание, и аятолла Хомейни оказался по итогам революционного процесса фигурой, соединившей в себе три этих устремления.

Нужно также помнить, что теократический режим, возникший в Иране по итогам упомянутой революции, сумел в итоге провести масштабные политические и социально-экономические реформы, для осуществления которых не хватило социальной базы у предшествующей ему шахской власти (пытавшейся реализовать «белую революцию» «сверху», но лишившейся поддержки собственного общества).

Действительно, послереволюционный иранский режим решил в свое время задачи защиты национального суверенитета (причем в условиях частичной блокады), обеспечения политического представительства (при всем своеобразии иранских политических институтов) и создания системы социальной политики и социальной за-

щиты. В свою очередь, политическая система Ирана выдержала колоссальное внешнее давление и справилась с серьезным внутренним напряжением – имеется в виду и недавний концентрированный удар по Корпусу стражей исламской революции (КСИР), ослабивший его в кадровом отношении, но не разрушивший его внушительную социальную и экономическую базу.

Ослабление Ирана как фактора региональной стабильности и развития еще глубже вводит Ближний Восток в состояние неопределенности. Более широко, Ближний Восток принципиально не может быть стабилизирован (и интегрирован в международную систему) без учета, а также интеграции шиитского фактора, поскольку шииты (в качестве политической силы) – это не только ливанская Хезболла, но и ливанское же движение «Амаль» (создававшееся как движение защиты прав бедноты), не только потерявшее доминирующие позиции алавитское меньшинство в Сирии, но именно шиитское большинство в таких разных странах, как Ирак и Бахрейн. Сегодняшнее ослабление позиций шиитов – не первое в их истории, и мобилизационный потенциал шиитских объединений в странах региона остается достаточно высоким. «Дорожная карта» американского спецпредставителя по Сирии и Ливану Баррака предполагает разоружение Хезболлы, фактически ослабляя и дестабилизируя Ливан, делает его уязвимым (как перед Израилем, так и перед режимом, установившимся в соседней Сирии).

В этой ситуации распространение упомянутого ранее «Соглашения Авраама» (столь активно продвигавшегося Дональдом Трампом в течение его первого президентского срока) и других инициатив Вашингтона на другие страны Ближнего Востока является весьма проблематичным – надо учитывать фактор «арабской улицы», которая сегодня скорее сочувствует Ирану и не поддерживает курс на примирение с Израилем.

## Израиль: движение к неопределенности

Характерна эволюция позиции Соединенных Штатов в отношении ирано-израильского конфликта. Президент Дональд Трамп, первоначально дистанцировавшийся от назревавшего противостояния Израиля и Ирана, в итоге сделал США прямым участником войны на завершающем ее этапе, сделав прецедент подобного вмешательства составным элементом своего политического стиля и стратегии.

Соединенные Штаты, вмешавшиеся в ирано-израильский конфликт на завершающей его стадии, осуществили, таким образом, силовое «принуждение к миру» – о котором в случае Израиля все чаще в последнее время говорит и Нетаньяху – в соответствии с лозунгом «если можно – миром, если нужно – силой».

По мнению западных экспертов, даже уступая Израилю в совокупной огневой силе, Иран мог нанести Израилю ощутимый ущерб – например, нанося удары сверхзвуковыми ракетами по крупным городам (до масштабного применения которых дело, к счастью, не дошло).

Мировое общественное мнение раскололось по отношению к Израилю – характерно, что страны «незападного» мира склонились в этом случае если не к прямой поддержке Ирана, то к осуждению действий его противника как непосредственного инициатора прямого военного противостояния. Поддержка Запада в условиях современного все более «разделяющегося» мира, как выясняется, не является залогом прочности позиции Израиля, как в Ближневосточном регионе, так и в остальном мире – но эта поддержка уже не является столь твердой и не обусловленной, как это было ранее.

При этом поддержка со стороны традиционных союзников Израиля не является сегодня безусловной – даже со стороны США, которые все активнее побуждают Израиль к скорейшему мирному урегулированию конфликта в секторе Газа и обуславливают свою дальнейшую поддержку Нетаньяху и его правительства выполнением этого требования. Тем более в ситуации, когда ряд стран – влиятельных членов западного сообщества – поддержали инициативу президента Франции Макрона о создании независимого Палестинского государства, и эта поддержка ширится и явно не способствует усилению позиции Израиля в весьма сложной для него ситуации.

В ситуации многочисленных внутренних и внешних вызовов премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху сумел политически устоять, трансформировавшись из «кризисного премьера» (по причине растущих оппозиционных настроений и давления из-за рубежа) в лидера воюющей страны. Однако из Вашингтона ему достаточно ясно дали понять, что его масштабные планы по укреплению региональных позиций Израиля не получают поддержки; в Европе же подобные планы (при традиционной лояльности ее элит и общественного мнения еврейскому государству) едва ли не изначально не встречали сколько-нибудь существенного одобрения.

Израиль, безусловно, имеет видение обустройства Ближнего Востока без лидирующих позиций Ирана (как имеет его также долго конкурировавшая с ним Турция, пригласившая Иран на недавний саммит ОЭС в Ханкенди). Однако подобные планы Израиля завязаны на поддержке Запада и США, которые, однако же, не стремятся излишне активно поддерживать геополитические проекты действующего израильского руководства и связанных с ним элит.

Как следствие, предполагаемый пост-иранский Ближний Восток, в соответствии с видением Израиля, может не состояться, а три образа возможного доминирования последнего (как патрона, арбитра и технологического ли-

дера) в Ближневосточном регионе могут остаться только выразительными образами.

Поддержав в ситуации практически начавшейся межэтнической войны сирийских друзов (по соображениям внутренней политики, а также ради контроля за южными Голанами), Израиль в то же время рискует втянуться в сирийские внутренние дела слишком глубоко – когда может потребоваться не только демонтировать отдельные объекты военной инфраструктуры, но и ослабить военный потенциал нынешнего официального Дамаска более существенно и масштабно; иначе говоря, предпринять действия, которые внешние «коспонсоры» ближневосточного процесса, скорее всего, не одобряют.

В сложившейся ситуации руководство Израиля, стремящееся отстоять свое государство как политический проект, будет вынуждено реализовывать свои интересы исходя не из первоначальных расчетов, но из складывающихся реалий. Так, например, отказ от поддержки любых односторонних шагов Израиля со стороны официального Вашингтона и, тем более, со стороны стран Евросоюза уже побудил правительство Нетаньяху искать компромисса с новыми властями Сирии по вопросу о ситуации в Эс-Сувейде, что и было официально заявлено.

Как можно с известным основанием предположить, фактически начатая операция по полному занятию войсками Израиля сектора Газа с целью разрушения организационной структуры «Хамас» (осуждаемая как за рубежом, так и значительной частью граждан и представителей политической и силовой элиты самой страны за тяжелейшие человеческие потери и гуманитарные последствия) является проявлением намерения израильского руководства максимально повысить ставки в торге с США и Европой о статусе еврейского государства. Этот торг фактически начался, и его результаты пока неясны.

Так или иначе, внося ощутимый вклад в ослабление – весьма ощутимое – «шиитского фактора» на Ближнем Востоке (асадовская Сирия, Хезболла, Иран), Израиль создал расширяющееся пространство неопределенности, которое является вызовом с точки зрения его собственных перспектив.

Положение усложняется кампанией за признание независимости Палестинского государства, получившей поддержку как в странах Евросоюза, так и в арабском и мусульманском мире. Даже частичное признание Палестинского государства влиятельными членами международного сообщества будет означать для Израиля пусть и не геополитическую катастрофу, но обесценивание его усилий по обеспечению собственной безопасности путем создания дополнительных «буферных зон». Тем самым, вопрос о «границах безопасности» для Израиля остается открытым, а давление на него со стороны «либерального сегмента» международного сообщества и общественного мнения только возрастает.

## Сирия: из поля битвы в пространство для экспериментов

Современная Сирия существует сегодня в условиях сохраняющейся нестабильности правящего режима, который сформировался после победы протурецких прокси (сторонников «политического ислама» или джихадистов) из группировки Хайят Тахрир аш-Шам над режимом Башара Асада. Несмотря на турецкую и западную поддержку, и.о. президента Ахмеда аш-Шараа (Джулани), стремящегося в своей должности закрепить респектабельный имидж и выстроить отношения с западными партнерами в расчете на масштабную внешнюю помощь; подобная линия поведения вызывает неприятие среди прежних сторонников Джулани, консолидация пост-баасистского политического режима является весьма проблематичной, а государство пребывает в транзитном состоянии.

В этой ситуации все декларации о желательном сирийском единстве, раздающиеся из Анкары, Вашингтона, Дохи и Брюсселя, означают закрепление господства суннитского большинства (представляемого сегодня религиозными радикалами из Хайят Тахрир аш-Шам) над национальными и религиозными меньшинствами, вплоть до этнических чисток, которые уже состоялись на территориях проживания меньшинств и, по всей видимости, будут продолжены.

Подобный подход не обещает Сирии скорого мира, что показал ряд последних событий – от Латакии до Эс-Сувеиды, и грозит неблагоприятными последствиями его соседям (тому же Ливану), где события сравнительно недавнего межконфессионального и межэтнического противостояния еще долго будут сохраняться в национальной памяти.

Как полагают эксперты, Эс-Сувейда, Израиль и меньшинства стали тремя ощутимыми ошибками временного президента аш-Шараа – ослабив, но не пошатнув бесповоротно его и без того не слишком прочные позиции.

В той же Эс-Сувеиде ничто принципиально не закончено и после ухода правительственных войск (поддержанных племенным бедуинским ополчением) – поскольку продолжается стихийная мобилизация бедуинов в провинции Дераа. Потенциал обоюдного насилия в этом конфликтном регионе и растущий негатив арабского большинства Сирии в отношении этноконфессиональной общности друзей слишком велики.

Патронирующая ситуацию в соседней стране Турция клянется в вечном партнерстве с Сирией и предостерегает Израиль от вмешательства в дела последней – подражая, таким образом, своеобразный протекторат. При этом обещание потока инвестиций в до сих пор нестабильную страну выглядит не слишком реалистично, а вот превращение пока еще ослабленной государственности в инструмент влияния Турции в ближневосточном регионе становится все более очевидным (участие в этом

процессе других «ко-спонсоров», того же Катара, не имеет столь масштабного значения).

Поскольку мобилизационный потенциал радикалов из Хайят Тахрир аш-Шам достаточно велик, стабилизация ситуации в Сирии выглядит весьма проблематичной. В силу этого страна имеет высокие шансы превратиться в экспортера радикализма в пределы региона, в направлении того же соседнего Ливана, связанного с соседней страной по аналогии с сообщающимися сосудами.

Ливан: трудный поиск стратегии стабилизации и путей дальнейшего развития

Ливан, после случившегося по результатам недавней войны ослабления Ирана, падения режима Башара Асада в соседней Сирии и итогового ослабления «шиитской оси», оказался в ситуации затянувшейся кризисной трансформации.

Правительство, сформированное несколько лет назад Хезболлой, вынуждено было уйти в отставку вследствие внешнеполитических изменений, вызванных экономическим кризисом, поражением сил партии-милиции в военном противостоянии с Израилем (и вытекающими из него мирными соглашениями 2024 года, предполагающими демилитаризацию страны и контрольные функции миротворческих сил ООН на ее территории, мандат которых периодически продлевается, а отношения с местным населением остаются непростыми).

Действующие руководители Ливана, включая глав трех ветвей власти – президента Жозефа Ауна, премьер-министра Навафа Салама и спикера Набиха Берри (занимающих свои посты в соответствии с конфессиональными квотами), сегодня находятся в ситуации политической развилки. С одной стороны, они обязаны выполнять мирные соглашения и добиваться разоружения Хезболлы и других существующих в стране парамилитарных формирований – это условие для получения международной помощи, необходимой для стабилизации глубоко кризисной ливанской экономики. С другой стороны, в ситуации продолжающейся военной активности Израиля в отношении Ливана, наличия израильских войск на приграничных территориях юга страны и растущего беспокойства конфессиональных общин реализация этих положений весьма затруднена. В итоге, растущее напряжение из-за откладываемого принципиального решения усугубляет и без того сложную внутривнутриполитическую ситуацию.

Премьер Наваф Салам (прагматик и реформатор, представляющий суннитскую общину страны) в качестве условий стабилизации Ливана рассматривает уход израильских войск и разоружение Хезболлы – но, очевидно, что в нынешней ситуации реализация этих условий проблематична. В то же время разоружение и восстановление «государственной монополии на оружие» не усилят безопасности Ливана – поскольку ливанская армия сравни-

тельно слаба, а вызов стране исходит не только со стороны соседнего Израиля, но также из Сирии, где у власти находятся твердые приверженцы «политического ислама», причем пришедшее к власти движение предполагает на перспективу взятие под контроль всего Леванта и некоторых других сопредельных территорий (поскольку Дамаск и Бейрут по-прежнему связаны между собой как «сообщающиеся сосуды»).

При этом Соединенные Штаты (и все более твердо поддерживающая их Франция) требуют разоружения Хезболлы, а спецпредставитель президента США по Сирии и Ливану Баррак назвал в качестве ключевых условий дальнейшего благополучного развития страны разоружение и глубокие реформы – при этом практически очевидно, что реформы в монетаристском ключе не вернут процветания бывшей «ближневосточной Швейцарии», существовавшего до 1975 года (основой которого были развитый банковский сектор и туризм), а реиндустриализация страны не стоит в повестке дня не обладающего необходимыми ресурсами правительства в Бейруте.

Успехи продолжающейся миссии Баррака являются спорными и проблематичными – ее следствием уже стал раскол в ливанском правительстве на фоне растущих опасений в обществе, что отказ Хезболлы от разоружения может привести к новому конфликту с Израилем; одновременно с этим израильское вторжение на ливанскую территорию с Голанских высот с целью ликвидации баз партии-милиции рассматривается многими в Ливане как вполне реальная возможность.

Сама Хезболла, вынужденная после серии тяжелых поражений сменить тактику («выжить, отказавшись от действия»), продолжает оставаться вызовом для многих, поскольку после израильской акции в Эс-Сувейде она отказывается разоружаться немедленно, обуславливая свое согласие на разоружение выходом израильских войск с территории юга Ливана, в соответствии с условиями мирного соглашения 2024 года.

Правительство Ливана, установив официально срок разоружения Хезболлы до конца 2025 года (и дав поручение своим военным проработать саму процедуру разоружения), поставило себя в ситуацию политического цейтнота – когда действие или бездействие по этому вопросу может привести к взрыву в стране, уже давно балансирующей на грани превращения в *failed state*. Попытки маргинализировать шиитскую партию (пообещавшую превратить указанное правительственное решение в «ничто»), противопоставив ей все остальное ливанское общество, ведут лишь к росту конфликтного напряжения, и без того высокого в ливанском обществе.

Между тем очевидно, что введение на территорию Ливана любых иностранных войск с целью разоружения Хезболлы откроет новую страницу национальной дра-

мы. Выход Ливана из ситуации балансирования на грани превращения в «провалившееся государство» пока не просматривается – причем для ливанской государственности одинаково опасны как откладывание компромисса с Хезболлой (что грозит усилением внешнего давления и отказом в предоставлении иностранной финансовой помощи), так и форсирование вопроса о судьбе вооруженной партии-милиции. В итоге, кризисный ливанский «узел» постепенно затягивается все туже.

Итак, обобщая, можно сказать, что конфликтный потенциал Ближневосточного региона явно возрастает, несмотря на усилия больших мировых «игроков» провести в жизнь свою модель стабильности.

Вероятность новых (или регенерированных старых) внутрирегиональных конфликтов поступательно увеличивается, а балансирование на грани большой внутрирегиональной войны (с серьезными шансами на применение ядерного оружия) продолжается. При этом усиление воздействия на Ближневосточный регион стран, условно причисляемых к «коллективному Западу», не обеспечивает, тем не менее, устойчивого западного доминирования в регионе. Относительные неудачи внутрирегиональных игроков не снижают потенциала противодействия последних попыткам внешнего давления.

На этом фоне ослабление потенциальных региональных лидеров, таких, как Иран, создает вакуум влияния в регионе, который не могут заполнить такие потенциальные соискатели лидирующих позиций, как Турция, Саудовская Аравия, или такие активные инфлюэнсеры, как Катар. Вместе с тем та же Турция умело пользуется в своих интересах произошедшим ослаблением Ирана и внешнеполитическими проблемами Израиля – но постоянная игра с «повышением ставок» создает проблемы и риски для самой Анкары.

Недавнее падение режима Асада и политическое перестроение Сирии – не фактор стабилизации, но масштабная проблема и вызов для многих государств региона; поддерживаемые США, странами ЕС и Турцией формулы «единства Сирии» не обеспечивают последней реальной стабилизации через достижение компромисса. Формулы «мирной сборки» Сирии на сегодняшний день фактически нет, как и нет действенной стратегии стабилизации для соседнего Ливана.

Израиль продолжает защищать свой политический проект и саму идею государственности – но собственных ресурсов и внешней поддержки для этого может оказаться недостаточным.

На смену светским авторитарным режимам, в демонтаже которых активно участвовали страны Запада, идут проекты в духе «политического ислама» – от радикально-джихадистских до умеренно-консервативных и умеренно-реформистских. Большие игроки – великие мировые державы – на сегодняшний день не способны

предложить полноценной формулы стабилизации и комплексной стратегии развития для региона. Поэтому даль-

нейшая фрагментация и рост неуправляемости – долгосрочный тренд для стран Ближнего Востока.

---

## Источники и литература / Sources and references

1. Zamirirad A. (Ed). Das politische System Irans (WeltTrends Lehrtexte) Paperback. Potsdam, 2011. S. 80-82.

С разрешения автора текст взят с ресурса: <https://politconservatism.ru/articles/12-days-war/> / Ссылка активна на 11.09.2025

---

### Информация об авторе:

**Бирюков Сергей Владимирович**, доктор политических наук, профессор, кафедра социальной антропологии и межкультурных коммуникаций, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск; кафедра политологии, Томский государственный университет, г. Томск; кафедра истории, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Кемерово.  
E-mail: [birs.07@mail.ru](mailto:birs.07@mail.ru)  
ORCID: 0000-0003-4071-0464

### Author:

**Biryukov Sergey Vladimirovich**, Doctor of Sciences in Politics, Professor, Siberian Institute of Management – Branch of RANEPA, Novosibirsk; Department of Social Anthropology and Intercultural Communications, Tomsk State University, Tomsk; Department of Political Science; Department of History, Kemerovo State Medical University, Kemerovo.  
E-mail: [birs.07@mail.ru](mailto:birs.07@mail.ru)  
ORCID: 0000-0003-4071-0464